

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2002 г. В.Ю. МИХАЛЬЧЕНКО, Т.Б. КРЮЧКОВА

СОЦИОЛИНГВИСТИКА В РОССИИ

Социалингвистика – одно из наиболее бурно развивающихся направлений современного языкознания. Причем, если интерес к социалингвистической проблематике в США впервые возник в середине 60-х годов XX в., а в западноевропейских странах даже несколько позже¹, то в российском языкознании некоторые проблемы взаимоотношения языка и общества исследовались уже в 1920-е годы. Довольно интенсивно их разработка продолжалась в 1930-х годах. Следует отметить, что труды Н.М. Каринского, Б.А. Ларина, А.М. Селищева, Р.О. Шор, Г.О. Винокура и других языковедов, которые уже в первое десятилетие после революции, произошедшей в России в 1917 г., обратили свои взоры к некоторым проблемам взаимоотношения языка и общества, были созданы не на пустом месте. В формировании научных взглядов этих ученых, бесспорно, большую роль сыграли идеи историзма языкового развития, его неразрывной связи с историей народа, восходящие к работам русского языковеда Ф.И. Буслаева и получившие дальнейшее развитие у Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и И.А. Бодуэна де Куртене. Определенное влияние на них оказала и французская социологическая школа. Работы ее представителей широко дискутировались в России. И, наконец, совершенно особую роль в становлении социалингвистических исследований этого периода в России сыграла книга французского марксиста П. Лафарга "Язык и революция" (1894 г., русский перевод 1930 г.), в которой предпринята попытка исследовать социальные варианты французского языка периода Великой французской революции. В качестве своеобразного научного парадокса можно отметить, что эта, безусловно, новаторская для своего времени работа, хотя и носящая определенный налет вульгарного социологизма, практически не привлекла внимания современников во Франции (по сути впервые она была проанализирована в книге Ж.-Б. Марселлези и Б. Гардена [Marcellesi, Gardin 1974]). В России же она вызвала среди языковедов большой резонанс, о чем свидетельствует сам факт перевода брошюры на русский язык. По всей вероятности объясняется это марксистской ориентацией работы. Марксизм, как известно, являлся в этот период господствующей социологической теорией в России. Большое внимание в советской науке уделялось разработке марксистской теории языкознания. Не удивительно, что работа П. Ла-

¹ Исключение здесь составляет Франция, где лингвистический интерес к социальной природе языка сформировался в начале XX в., найдя свое наиболее четкое выражение в трудах таких представителей французской социологической школы, как А. Мейс, Ш. Балли, Ж. Вандриес. Однако все эти работы, безусловно, соответствовали общему уровню развития лингвистики и социологии того времени, что определяло их теоретические концепции, проблематику, терминологию. И их вряд ли можно назвать социалингвистическими в нынешнем понимании этого слова (в то время, кстати сказать, не существовало и самого термина "социалингвистика").

фарга оказалась востребованной, и ее влияние совершенно явно прослеживается в исследованиях по истории французского языка [Державин 1927; Сергиевский 1927; Будагов 1940] и более опосредованно в трудах других российских языковедов рассматриваемого периода.

Однако было бы неверно оценивать эти работы только как продолжение традиций русского дореволюционного и французского языкознания. Во многом они носили новаторский характер. Это относится как к общетеоретическим соображениям относительно специфики социальной природы языка, так и к конкретным исследованиям, проводимым в рамках направления, именуемого "социальной диалектологией".

Особая заслуга в формировании теоретического фундамента исследований взаимоотношения языка и общества, бесспорно, принадлежит Е.Д. Поливанову, который еще в 1929 г. писал: "Для того, чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической". Он составил четкую программу социологического подхода к языку, которая включала в себя: 1) определение языка как социально-исторического факта; 2) описание языков и диалектов с социологической точки зрения; 3) оценочный анализ данного языка как орудия общения; 4) изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; 5) оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование; 6) создание общей типологической схемы эволюции языка в связи с историей культуры; 7) прикладные вопросы социальной лингвистики: языковую политику [Поливанов 1929].

Программа, сформулированная Е.Д. Поливановым, нашла свое воплощение в ряде теоретических работ и конкретных исследований как самого автора, так и других российских языковедов уже в первый период развития советского языкознания. В этой связи, по-видимому, как по времени публикации, так и по важности затронутых вопросов нужно назвать статьи Б.А. Ларина, вышедшие с 1926 по 1930 гг., в которых впервые в отечественном языкознании была выдвинута проблема изучения языка города как особого явления, отличающегося как от литературного языка, так и от деревенских диалектов. Причем проблема эта рассматривалась как стоящая "на очереди работ по социальной лингвистике" (словосочетание "социальная лингвистика" здесь, по всей вероятности, было употреблено впервые в мировом языкознании) [Ларин 1928]. Впоследствии под его руководством было проведено масштабное исследование этого явления, которое показало, что "городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп населения — оказывают непрерывное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на высшие его формы" [Ларин 1977: 176]. Большое внимание этой проблеме уделял и Н.М. Каринский [Каринский 1927].

Уже в это время советские языковеды обратили внимание на явление, которое гораздо позже было названо "диглоссией" (термин Ч. Фергюсона [Ferguson 1959]), Б.А. Ларин же именовал его "двудиалектностью". Он указывал, что многие горожане наряду с литературным языком владеют различными видами городского просторечия. Более детально эта идея реализована в одной из работ Е.Д. Поливанова, в которой он пишет, что в конкретных ситуациях общения в силу владения несколькими языками (имеется в виду то, что сейчас называют формами существования языка. — В.М., Т.К.) и способности использовать их в определенных коммуникативных актах индивид является потенциальным участником коммуникации с представителями различных социальных групп [Поливанов 1929]. В этом высказывании явно просматривается набросок теории ролей, которая, как известно, была приложена к языковому материалу американскими социолингвистами лишь в 1960-х годах.

Говоря о теоретических концепциях советского языкознания 1920-х–1930-х годов, необходимо также остановиться на положении о гетерогенности языка, обусловленной социальной неоднородностью коллектива его носителей. По этому поводу А.М. Селищев писал: "В основе региональной и социальной вариативности языка лежит тот факт, что население данной политической общности представляет собой

сложную социальную совокупность различных общественных групп. Поскольку в пределах каждой группы существуют различные маркированные в языковом отношении подгруппы, объединяемые по возрастному, половому и другим признакам, язык группы распадается на несколько языков подгрупп. Степень расхождения между ними находится в зависимости от внеязыковых ситуаций. Например, в периоды социальных катаклизмов язык молодежных групп может в гораздо большей степени отражать общественные перемены" [Селищев 1928: 11]. Еще более четко тремя годами позже это положение было сформулировано известным русским языковедом Л.В. Щербой, который охарактеризовал язык как систему, сложность структуры которой соответствует сложности структуры данного общества. Любая социальная дифференциация в пределах той или иной группы влечет за собой дифференциацию речевой деятельности и тем самым дифференциацию языкового материала [Щерба 1931].

Интересно отметить, что осознание этой идеи в американском языкознании произошло лишь в 60-х годах XX в. Вспомним в этой связи высказывание У. Брайта, который писал в 1966 г., что американские социолингвисты "отмежевались от одной лингвистической традиции... от подхода к языкам как совершенно единообразным, гомогенным или монолитным по своей структуре" [Bright 1966].

Еще одной очень продуктивной концепцией, выдвинутой советскими языковедами в 1920-е годы, является положение о том, что языковая вариативность не ограничивается дифференциацией языка, отражающей социальную неоднородность языкового коллектива, она может быть обусловлена также разнообразием ситуаций общения. Эта проблема была подробно обсуждена в работе Л.П. Якубинского [Якубинский 1923].

Одно из центральных мест в трудах основоположников советской социолингвистики занимала разработка понятия "национальный язык". Впервые эта проблема была поставлена Л.П. Якубинским, который связывал образование национальных языков с образованием нации и национального государства в эпоху поднимающегося капитализма [Иванов, Якубинский 1937]. Наиболее полное и разностороннее освещение вопрос о специфике формирования национального языка в разных социальных условиях и проблемы социальной дифференциации языка получили в книге В.М. Жирмунского "Национальный язык и социальные диалекты" [Жирмунский 1936].

В.М. Жирмунский выделял две основные формы существования языка: 1) национальный литературный язык, носителем которого, по его мнению, является господствующий класс – буржуазия и 2) территориально раздробленные диалекты, носителями которых являются подчиненные общественные классы – крестьянство, городская мелкая буржуазия, а позднее, пролетариат. Между этими двумя полярными формами находятся промежуточные образования, которые он называл "мещанскими говорами" (позднее он предпочитал термин "полудиалект"). Носителем этих говоров является мелкая буржуазия.

В.М. Жирмунский представлял совокупность форм существования языка в виде пирамиды, основание которой образуют крестьянские говоры, в мещанских говорах пирамида сужается, в разговорном языке господствующего класса, более или менее унифицированном в соответствии с письменной нормой, она сужается насколько это возможно на данной стадии развития языка, и, наконец, вершина пирамиды – это унифицированная письменная норма национального языка [Жирмунский 1936: 96]. Большое внимание в обсуждаемой работе было уделено также исследованию социальной базы различных форм существования языка, взаимосвязи и взаимодействия этих форм. Следует отметить, что проблема взаимодействия литературного языка и образований "низшего ранга" находилась в этот период в центре внимания многих советских языковедов. Классическим образцом такого рода исследований может служить работа Н.М. Каринского, посвященная сопоставительному анализу говора одной и той же деревни в 1903 и 1932 гг. Автор показал, что для современного диалекта

контакты с языком города имеют гораздо большее значение, чем связи с соседними диалектами [Каринский 1936].

Кроме теоретических разработок в области социальной диалектологии, которые в нынешней терминологии можно было бы отнести к общетеоретическим проблемам социальной лингвистики, первое поколение советских языковедов внесло большой вклад как в разработку теоретических принципов, так и в осуществление конкретных мероприятий языкового строительства.

Как известно, Российская империя была многонациональным государством. Кроме русских лишь немногие проживавшие в ней народы имели более или менее развитые литературные языки. Подавляющее же большинство языков, распространенных на территории страны, не имело сложившейся нормы, а многие из них вообще письменности. Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., провозгласили языковую политику, в основу которой был положен принцип равноправного и свободного развития всех языков, и приняли ряд конкретных мер, направленных на осуществление этой политики. Большинство советских языковедов полностью разделяло такую политику и активно включилось в работу по так называемому "языковому строительству". Среди них следует прежде всего назвать Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, Д.В. Бубриха, Н.Н. Поппе, Н.К. Дмитриева, А.М. Сухотина, К.К. Юдахина. Эти ученые провели огромную работу по созданию алфавитов и орфографий для ранее бесписьменных языков. К середине 1930-х годов около 70 таких языков получили письменность.

Кроме прикладных проблем ученым приходилось решать и общие вопросы, которые, кстати сказать, не потеряли своей актуальности и в настоящее время, а именно: в какой степени целесообразно развивать общественные функции того или иного языка. Конечно, в рассматриваемый период этот вопрос звучал не так общо и не в этих терминах. Языковеды старались прежде всего решить, для каких языков следует создавать письменность, а для каких нет, а также до какого уровня целесообразно организовывать образование на родном языке. Особая заслуга принадлежит здесь Н.Ф. Яковлеву, который настойчиво искал компромисс между господствовавшими тогда представлениями о необходимости предоставить возможность всем народам получить образование на родном языке и трезвым пониманием того, что это не всегда реально в организационном плане (главным образом ввиду немногочисленности носителей отдельных языков) и необходимо самим народам (знание только родного языка малочисленного народа существенно ограничивает социальные возможности его представителей) [Алпатов 2000; Исаев 1979].

Завершая анализ работ первого поколения советских языковедов, занимавшихся проблемами взаимоотношения языка и общества, необходимо подчеркнуть, что их труды при всей их новизне и теоретической значимости, безусловно, были ограничены уровнем развития общественных наук в целом, характерным для этого периода. Лингвисты стремились создать новое марксистское языкознание, при этом сам по себе марксизм зачастую понимался достаточно упрощенно. Это в свою очередь приводило порой к установлению чересчур прямолинейной зависимости между теми или иными языковыми и социальными явлениями. Это достаточно явно прослеживается в цитированной выше работе В.М. Жирмунского, где он проводит прямые корреляции между формами существования языка и социальными классами. Еще более эксплицитно мысль о классовом характере языка звучит у Е.Д. Поливанова, который указывал, что после революции происходит смена классового субстрата, и "на пути к бесклассовому своему характеру, русский литературный язык становится классовым уже не той группы лиц, которая была носителем этого языка до революции, а более широких и социально разнообразных слоев населения Союза" [Поливанов 1927: 227]. Ср. также его высказывание: "Можно выставить также такую точку зрения, которая будет определять язык среднего обывателя 1913 г. и, с другой стороны, язык современного комсомольца – не как два разных диалекта, а как два разных языка" [Поливанов 1928: 167].

Идеологически детерминированы были не только общетеоретические построения, но и конкретная практическая деятельность в области языкового строительства. Особенно наглядно это проявилось при решении вопроса о графической основе языков [Алпатов 2000].

Возвращаясь к общетеоретическим трудам Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского и других языковедов, изучавших в 1920-е–1930-е годы проблемы, которые мы теперь называем социалингвистическими, отметим, что несмотря на иногда слишком прямолинейное коррелирование языковых и социальных явлений им все-таки не был присущ вульгарный социологизм в прямом смысле этого слова, последний нашел свое яркое и концентрированное отражение в трудах такого известного языковеда этого же периода, как Н.Я. Марр². Этот ученый и его единомышленники находились в явной оппозиции к языковедам, о которых мы писали выше. Согласно Марру, "язык – такая же надстроечная общественная ценность, как искусства и вообще искусства" [Марр 1934: 107]. По его мнению, развитие языков и переход с одной стадии на другую обусловлены социальными причинами. Аморфное, агглютинативное, флективное состояния "отражают каждое особый социальный строй" [Марр 1934: 49]. Ученик Н.Я. Марра А.А. Холодович развил эту идею своего учителя и давал такие соответствия: первобытный коммунизм – аморфные языки, родовое общество – агглютинирующие языки, классовое общество в целом – флективные языки, феодальная формация – поместный говор, капиталистическая формация – национальный язык, переходный период от капитализма к коммунизму – борьба в языке национальной формы и пролетарского классового содержания, бесклассовое общество – международный язык, возможно, вновь аморфный по строю [Холодович 1930: 187].

Несмотря на всю абсурдность некоторых идей Н.Я. Марра и его окружения, эти языковеды сумели занять господствующее положение в советском языкознании прежде всего потому, что они широко использовали расхожие стереотипы официальной советской идеологии того времени, и это обеспечило им официальную поддержку партийно-государственного аппарата. Официальное признание марризма продолжалось вплоть до 1950 г., когда в ходе известной "дискуссии о Марре" это учение было подвергнуто острой как научной, так и идеологической критике и быстро прекратило свое существование.

Следует отметить, что марризм никогда не рассматривался историками советского языкознания в связи с исследованием проблемы взаимоотношения языка и общества. Тем не менее он существенно затормозил развитие советской социалингвистики, причем не столько в 1920–1930 годы, сколько в последующий после разгрома марризма период. В конце 1930-х годов интерес к социалингвистической проблематике угас, с одной стороны, под влиянием общеполитических тенденций (имеется в виду сворачивание деятельности по развитию национальных языков и культур и усиление тенденций интернационализации советского общества, что, по мнению политиков того периода, связывалось с усилением роли русского языка и русской культуры), с другой, – ввиду гибели в результате сталинских репрессий многих языковедов, занимавшихся теорией и практикой языкового строительства, проблемами социальной диалектологии и другими вопросами взаимосвязи языка и общества. В более же поздний период, когда в других странах мира, прежде всего США начала активно разрабатываться социалингвистическая проблематика, в Советском Союзе всякая постановка вопроса о социальной детерминированности тех или иных фактов языка вызывала ассоциации отнюдь не с работами Поливанова или Якубинского, а с безапелляционными и безграмотными заявлениями Марра, что обуславливало весьма скептическое отношение многих ученых к социалингвистической проблематике.

² Размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на трудах Н.Я. Марра и той сложной роли, которую он сыграл в свое время в развитии советского языкознания. Интересующихся мы отсылаем к содержательной книге В.М. Алпатова [Алпатов 1991].

Несмотря на иногда настороженное, а иногда и явно негативное отношение научной общественности, в начале 1960-х годов исследования в области социальной лингвистики постепенно активизируются. Создаются специальные научно-исследовательские подразделения, непосредственной задачей которых становится изучение различных аспектов взаимоотношения языка и общества. Это прежде всего сектор социолингвистики Института языкознания АН СССР, социолингвистические исследования проводятся также в секторе современного русского языка и секторе культуры речи Института русского языка АН СССР, Институте востоковедения АН СССР, Институте русского языка им. А.С. Пушкина, Саратовском университете, Новосибирском институте философии, филологии и истории Сибирского отделения АН СССР и других научных учреждениях страны.

В АН СССР в 1962 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме "Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций", в задачи которого входила координация социолингвистических исследований в стране.

Новое поколение социолингвистов ориентировалось на последние достижения языкознания и социологии, однако при этом во многом опиралось и на труды советских языковедов, созданные в 1920-е–1930-е годы. Несколько позже, в конце 1960-х – начале 1970-х годов начинается активное освоение и работ американских социолингвистов, которые были введены в научный оборот во многом благодаря публикациям А.Д. Швейцера, например, его книги [Швейцер 1971].

В 1960-е годы основные усилия ученых были сосредоточены не столько на развитии общей теории социолингвистики, сколько на исследовании отдельных конкретных проблем взаимоотношения языка и общества, и в некотором смысле этот период аналогичен 1920-м–1930-м годам. Среди этих проблем следует в первую очередь указать на изучение социально обусловленных изменений в русском языке, произошедших после Октябрьской революции [Панов 1962; РСРЯ 1963; РРЯ 1967], вопросы взаимодействия и развития языков народов СССР [Авrorин 1967; Белодед 1969; Дешериев 1966; Дешериев, Протченко 1968], а также такую традиционную тему, как изучение некодифицированных форм речи – жаргонов, аргo, разговорной речи [Алексеев 1965; Бондалетов 1965; Лаптева 1966; НСДЯ 1969; Сиротинина 1969]. Но в этот момент появляются и некоторые работы общетеоретического характера [Жирмунский 1969; Филин 1966].

Наиболее значимыми работами, появившимися в этот период, являются четырехтомный труд "Русский язык и советское общество" (1968 г., отв. ред. М.В. Панов) и пятитомное издание "Языки народов СССР" (1966–1968, отв. ред. В.В. Виноградов). Четырехтомник "Русский язык и советское общество" был посвящен изучению развития русского языка XX в. в тесной связи со следующими социальными факторами: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальное перемещение народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и др. [РЯСО I: 34–35]. По мнению Е.А. Земской и Л.П. Крысина, во многом именно теоретические идеи, сформулированные в этой работе, заложили основу Московской школы функциональной социолингвистики, основными сферами деятельности которой в этот период было массовое социолингвистическое обследование носителей русского литературного языка, а также изучение особенностей устной формы литературного языка [Земская, Крысин 1998: 1–3]³.

В коллективной работе "Языки народов СССР" были по единой схеме описаны 127 языков коренных народов СССР, причем, что особенно ценно, каждый очерк содержал не только краткую характеристику основных структурных параметров языка, но

³ Мы не останавливаемся на характеристике работ, созданных в результате этих исследований, поскольку это уже сделано в брошюре Е.А.Земской и Л.П. Крысина [Земская, Крысин 1998].

и данные об особенностях его функционирования, а также о его носителе, т.е. социолингвистическую и этнолингвистическую информацию.

В 1970-х годах проблематика социолингвистических исследований существенно расширяется, на первый план выдвигаются такие общетеоретические проблемы, как предмет социолингвистики, ее отношение к другим дисциплинам, методы исследований. Наряду с этим продолжается интенсивное изучение функционального развития языков народов СССР. Кроме того внимание социолингвистов привлекает изучение проблем языковой политики, анализ конкретных языковых ситуаций в различных регионах мира, особенности социолингвистических подсистем, стандартизация и кодификация языка, изучение лингвистических вариантов языка, социолингвистический аспект функциональной стилистики, социальный аспект межличностной коммуникации, взаимодействие языка и некоторых сфер социальной жизни (культуры, массовой коммуникации, идеологии и т.п.). На некоторых из этих проблем мы остановимся более подробно.

Общетеоретические проблемы социальной лингвистики. Во второй половине 1970-х годов почти одновременно появляются три монографии, посвященные теории социолингвистики. Это работы [Никольский 1976; Дешериев 1977; Швейцер 1977]. Несколько позже выходит коллективная монография [ТПСЛ 1981]. В этих работах достаточно полно характеризуются основные черты социальной лингвистики, позволяющие квалифицировать ее как самостоятельную научную дисциплину.

Определяя статус социолингвистики, большинство языковедов сходятся в том, что она формируется как единая дисциплина на стыке различных наук [Дешериев 1977; Звегинцев 1976; Никольский 1976; Швейцер 1977]. Такое понимание этой дисциплины во многом обуславливает дефиницию ее предмета и выбор методов исследования. Одним из наиболее полных определений предмета социолингвистики представляется то, которое дает Ю.Д. Дешериев, считающий, что предметом социолингвистики является изучение общих и в особенности социально обусловленных закономерностей функционирования, развития и взаимодействия языков. Иными словами, социологический аспект изучения языков охватывает всю совокупность проблем, связанных с характеристикой всех языковых явлений, обусловленных развитием общества, с его воздействием на взаимодействие языков в целом и на взаимодействие языковых элементов в функционировании каждого конкретного языка [Dešeriev 1973]. А.Д. Швейцер, принимая это определение в целом, считает необходимым подчеркнуть, что "в область социолингвистических исследований входит как изучение влияния социальных факторов на функциональное использование языка в процессе речевой коммуникации, так и анализ воздействия этих факторов на саму структуру языка, их отражения в языковой структуре. При этом исследуются не только отношения между языком и объективными социальными факторами, такими, как различные элементы социальной структуры, но и отражение в языке и в речевой деятельности субъективных социальных факторов, таких, как социальные установки и социальные ценности" [Швейцер 1977: 69].

Л.Б. Никольский указывает, что к предметной области социолингвистики относятся и проблемы, связанные с той ролью, которую язык играет в жизни общества. Таким образом, предмет социолингвистики как единой пограничной дисциплины подвергается дифференциации в зависимости от типа связи между языком и обществом (язык как отражение социума и язык как социальный фактор) [Никольский 1981: 138–141]⁴.

Поскольку социолингвистика – сравнительно новая языковедческая дисциплина, ее понятийный аппарат нельзя считать окончательно сформировавшимся. По мнению

⁴ В тот период в советском языкознании существовало и более узкое понимание социолингвистики. Так, например, В.А. Аврорин считал, что единственным специфическим объектом изучения языка в рамках социолингвистики может быть "функционирование языков и характерные для этнических коллективов языковые ситуации" [Аврорин 1974: 10]. Он вообще возражал против выделения социолингвистики в самостоятельную научную дисциплину.

Ю.Д. Дешериева [Дешериев 1977: 298–302], при разработке этой проблемы необходимо проводить разграничение общего и отраслевого понятийного аппарата социолингвистики. Понятийный аппарат социолингвистики включает в себя: 1) понятия, давно существующие в языкознании, но получившие социолингвистическое осмысление (например, с социолингвистической точки зрения слово – это социально отработанный звук или звуковой комплекс, имеющий лексическое и грамматическое значение, представляющее собой социализованное отношение); 2) социолингвистические понятия, созданные в прошлом и укоренившиеся в науке о языке (например, социальная дифференциация языка, языковая политика); 3) понятия, заимствованные из других областей знания (например, интерференция); 4) новые понятия, употребляемые в социолингвистической литературе (например, диглоссия); 5) новые понятия, еще не получившие широкого распространения (например, социализованные и несоциализованные отношения, социалема, лингвема, социолингвема)⁵.

Если общий понятийный аппарат социолингвистики описывает систему базисных, ключевых понятий этой дисциплины, то отраслевой понятийный аппарат дает представление о содержании понятий и их взаимосвязях в различных разделах социолингвистики, например, понятийный аппарат билингвизма, понятийный аппарат речевого взаимодействия внутри малых социальных групп и т.д. Принципы создания такого рода отраслевого понятийного аппарата хорошо продемонстрированы А.Д. Швейцером на примере понятий социально обусловленной вариативности языка. В качестве ключевых понятий рассматриваются такие, как языковой коллектив, речевой коллектив, языковая общность, речевая общность, социально-коммуникативная система, социально-коммуникативная подсистема, стратификационная переменная, стратификационно-ситуативная переменная, комплекс ценностей, статус, роль, социальная установка, ценностные ориентации. Между этими социолингвистическими и социологическими понятиями устанавливаются системные связи разного уровня [Швейцер 1976: 31–40; 1977: 72].

Большое внимание советские лингвисты во второй половине 1970-х годов уделяли отношению социолингвистики к другим лингвистическим и нелингвистическим дисциплинам, поскольку анализ таких отношений "дает возможность точнее определить предметную область ее теории и ее концептуальную основу" [Швейцер 1977: 86]. Так же как и первое поколение советских языковедов, изучавших взаимоотношение языковых и социальных явлений, генерация социолингвистов этого периода постоянно подчеркивала тесную связь социолингвистики с философией, которая дает ей методологию, и социологией, без опоры на которую невозможно построение социолингвистической теории. Причем для советской социолингвистической школы, как, впрочем, и для всего обществоведения этого периода была характерна однозначная ориентация на марксистскую социологию, опирающуюся на учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина.

По мнению советских языковедов, существуют тесные контакты социолингвистики с этнографией, историей, литературоведением и некоторыми другими общественными науками. Чрезвычайный интерес представляет взаимоотношение социолингвистики с семиотикой и особенно таким ее аспектом, как прагматика [Дешериев, 1977; Швейцер 1977].

Естественно, социолингвистика связана и с различными лингвистическими дисциплинами, в первую очередь лексикологией и стилистикой, поскольку различия в уровне функционального развития языков особенно наглядно проявляются в различных степенях развития их лексико-семантических и стилистических систем [Швейцер

⁵ Данные термины были введены Ю.Д. Дешериевым в его книге "Социальная лингвистика". Несмотря на теоретический интерес, который они, безусловно, представляют, за прошедшие со времени выхода книги 25 лет их статус практически не изменился, они не вошли в широкий научный обиход. За исключением самого создателя этих терминов их активно употреблял, пожалуй, лишь В.К. Журавлев [Журавлев 1982].

1977: 100–113]. Определенные взаимоотношения выявляются также между социолингвистикой и лингвистикой текста [Бондаренко, Крючкова 1981].

Вопрос о методах исследования играет важную роль при становлении любой научной дисциплины. В социолингвистических исследованиях используются общелингвистические, социологические и собственно социолингвистические методы. Наиболее хорошо в научной литературе проанализированы особенности использования различных процедур конкретных социологических исследований для сбора социолингвистического материала. А.Д. Швейцер рассматривает следующие методы сбора социолингвистических данных: наблюдение, опрос информантов (интервьюирование и анкетирование) [Швейцер 1977: 157–165]. Сюда следует добавить также изучение документов. Являясь одним из методов сбора первичной социологической информации в социологии, он часто используется и в социолингвистических исследованиях (подробнее об этом см. [Крючкова 1981]). В некоторых социолингвистических работах такие документы, как материалы переписей населения, статистические сборники и т.п., выступают в качестве одного из главных источников информации [Дешериев 1976].

Для обработки данных, полученных методами, общими для социолингвистики и социологии, чаще всего используются разновидности корреляционного анализа, причем спектр их достаточно широк: от самых элементарных – составления сопоставительных таблиц до весьма изощренных, включающих в себя использование сложного математического аппарата.

Очень распространено в социолингвистике изучение персонифицированных текстов, т.е. тестов (письменных или устных), социальные характеристики авторов которых известны. Такие тексты подвергаются различным процедурам лингвистического анализа, в результате чего выявляются их структурные параметры. После этого устанавливаются корреляции между этими параметрами и социальными характеристиками авторов. Примером такого исследования может служить работа [РРР 1973], где в качестве персонифицированных текстов были использованы записи разговорной речи. Широкое применение этот метод находит при изучении билингвизма. Здесь имеет место как анализ магнитофонных записей, с помощью которого можно изучать язык и речь билингвов на всех уровнях – от фонетического до стилистического, так и рассмотрение письменных материалов: сочинений школьников, заявлений, объяснительных записок и т.п. [Баскаков 1976; Михальченко 1976].

Методы, общие для социологии и социолингвистики, обычно используются при анализе таких явлений, как социальная дифференциация языка, билингвизм, ситуативно обусловленное речевое поведение и т.п., и служат для установления зависимости между теми или иными социальными явлениями и фактами языка (речи). Однако социальная природа языка не ограничивается только этим. Социальное может непосредственно отражаться и в структуре языка, прежде всего в его лексико-семантической системе. И анализ явлений такого рода также входит в круг задач социальной лингвистики. Советскими языковедами достаточно активно разрабатывалась эта проблематика, которую можно было бы обозначить как социолингвистический аспект семантики. При выявлении социального компонента значения слова используются разнообразные приемы и методы семантических исследований – анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, концептуальный анализ и др., которые, однако, обычно подвергаются определенным модификациям и в общем виде можно определить как учет широкого социального контекста. Примеры социолингвистического анализа значений слов можно найти в работах [Крысин 1989; Крючкова 1989а].

Изучение языковых ситуаций – одна из центральных тем советской социолингвистики, что определялось в первую очередь достаточно сложной языковой ситуацией, характерной для Советского Союза. И если американская социолингвистика обращалась к макросоциолингвистической проблематике прежде всего, когда речь

шла о зарубежных странах, а применительно к собственному материалу работа велась главным образом в области так называемой микросоциолингвистики, то для советских ученых наиболее актуальным особенно в 1960–1970 годы был анализ развития языковой жизни своей страны, а интерес к микросоциолингвистическим исследованиям возник несколько позже и главным образом под влиянием американских работ.

Исследование языковых ситуаций привлекало советских социолингвистов не только в чисто практическом, но и в теоретическом плане. Под языковой ситуацией понимается "совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности" [Никольский 1976: 79–80]. Кроме объективных параметров языковая ситуация включает в себя и субъективный аспект – социальные установки, которых придерживаются в отношении указанных систем члены соответствующих языковых и речевых коллективов [Швейцер 1977: 134].

В научной литературе предлагаются различные способы описания и классификации языковых ситуаций. Так, например, Л.Б. Никольский подразделяет языковые ситуации на 1) экзогlossные и 2) эндогlossные. В первую группу входят совокупности отдельных языков, во вторую – совокупности подязыков и функциональных стилей одного языка. Экзогlossные и эндогlossные языковые ситуации могут в свою очередь быть подразделены на две подгруппы: 1) сбалансированные – когда все представленные в данном административно-территориальном образовании языки или/и подязыки функционально равнозначны; 2) несбалансированные – когда указанные языки или/и подязыки не равнозначны. Сочетание этих признаков делает теоретически возможным четыре типа языковых ситуаций [Никольский 1976: 80–82]. Но реально их оказывается меньше. Дело в том, что сбалансированные языковые ситуации любого типа встречаются крайне редко, так же редки экзогlossные ситуации в чистом виде (как правило, любой язык подвержен либо диалектной, либо социальной дифференциации, либо и той и другой). Таким образом все разнообразие языковых ситуаций по существу сводится к двум разновидностям: эндогlossные несбалансированные и экзо-эндогlossные несбалансированные. Очевидно, что такая бинарная классификация не может служить основанием для построения сколь-нибудь полной типологии языковых ситуаций или служить критерием для сопоставления различных проявлений этого феномена.

Более дифференцированную схему описания языковых ситуаций предлагает В.А. Виноградов, который считает, что каждую языковую ситуацию необходимо характеризовать по количественным (число идиомов, составляющих языковую ситуацию, число говорящих на каждом идиоме, количество коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, число функционально доминирующих идиомов), качественным (лингвистические характеристики идиомов, структурно-типологические отношения между ними, функциональная равнозначность/неравнозначность, характер доминирующего идиома – местный или "импортированный") и аксиологическим (оценка говорящим различных идиомов) параметрам [Виноградов 1990: 616–617].

Советские социолингвисты активно изучали языковые ситуации в различных регионах мира [Кондрашкина 1986; Чернышев 1978; Шагаль 1987; ПИЯС 1970; ПЯП 1977; ЗВ 1986; ЯССАА 1967; ЯССА 1975], предпринимались также попытки типологизации языковых ситуаций в некоторых регионах (см., например [Степанов 1976; Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984]). Однако, как мы уже отмечали, основное внимание языковедов, естественно, уделялось языковой ситуации в Советском Союзе.

Советский Союз, как известно, являлся многонациональным государством, народы которого говорили примерно на 130 языках⁶, относящихся к различным языковым семьям и имеющих неодинаковый уровень функционального развития. Именно

⁶ В работах, выходивших в разные годы, количество языков сильно варьируется, что связано, с одной стороны, с числом народов, которые фиксировались в переписях населения, что было зачастую обусловлено экстранаучными факторами, с другой – рассмотрением некоторых идиомов одними лингвистами в качестве языков, другими – в качестве диалектов.

изучению этой стороны бытовых языков был посвящен четырехтомный труд [ЗРЛЯ 1969–1976]. В труде рассматривались процессы расширения сфер употребления литературных языков в указанный исторический период, анализировалось взаимодействие внутривидового и функционального развития языков, выявлялась степень влияния различных социальных факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков народов СССР. Первые два тома были составлены по генетическому принципу (иранские языки, иберийско-кавказские языки, тюркские, монгольские и финно-угорские языки). Третья книга была посвящена старописьменным языкам, представленным на территории СССР. И, наконец, в четвертой книге, написанной Ю.Д. Дешериевым, дается сопоставительный анализ функционирования различных языков в каждой из 15 союзных республик. В книге рассматривается также ряд важных теоретических проблем, на которых мы остановимся ниже.

Социолингвистический анализ языковой жизни многонационального государства, проводимый советскими языковедами, был направлен прежде всего на сопоставление языков с точки зрения выполняемых ими общественных функций, т.е. сравнение функциональной мощности идиомов, входящих в языковую ситуацию. И это, на наш взгляд, совершенно оправданно, поскольку сферы применения языка или одной из форм его существования – это наиболее объективный показатель места, занимаемого идиомом в иерархии коммуникативных средств, конституирующих языковую ситуацию. Этот факт был осознан теоретической социолингвистикой еще в середине 1970-х годов, когда, по-видимому, впервые советскими языковедами была предпринята попытка инвентаризации сфер применения языка и детального их описания.

Подробные перечни сфер общения или, по терминологии Ю.Д. Дешериева, общественных функций языка приводятся в работах [Авrorин 1975: 76–77; Дешериев 1976: 86–87]. При некоторых различиях в используемой терминологии и количестве выделяемых сфер (у Ю.Д. Дешериева классификация более дробная) эти перечни имеют много общего, отражая специфику функционирования языков народов СССР в середине 70-х годов XX века. Вопрос о количестве сфер общения, привлекаемых к рассмотрению, должен, на наш взгляд, решаться прежде всего, исходя из принципа выделения максимального числа дифференциальных признаков, характеризующих языки, составляющие языковую ситуацию. Именно в этом случае сопоставление языков будет наиболее наглядным и полным.

Ю.Д. Дешериевым была создана функционально-типологическая классификация языков советских народов, которая дает представление о месте и роли каждого языка в жизни его носителей и других народов [Дешериев 1981]. В Советском Союзе максимальный объем общественных функций выполнял русский язык. Он обслуживал практически все сферы жизнедеятельности советского общества. Он выполнял также функцию языка международного общения, являясь одним из официальных языков ООН. Минимальные социальные функции выполняли одноаульные бесписьменные языки, например, бацбийский, арчинский. Это языки бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности и народного искусства. Между этими полюсами располагались остальные языки. Так, вслед за русским наибольший объем общественных функций выполняли языки титульных народов союзных республик. Но эти языки в отличие от русского не являлись языками межнационального (в масштабе Советского Союза) и международного общения, на них не велась переписка союзных республик с центральными учреждениями, они не выполняли функции языков всех отраслей науки и техники в той мере, как русский язык, далее шли титульные языки автономных республик и т.д.

По мнению исследователей, языковые процессы в советском обществе характеризовались тремя основными тенденциями: 1) развитием старописьменных и младописьменных языков в связи с ростом материальной и духовной культуры народов СССР; 2) повсеместным применением русского языка как языка меж-

национального общения; 3) развитием двуязычия, прежде всего национально-русского⁷.

Поскольку русский язык на территории Советского Союза выполнял максимальное количество социальных функций и структурно был одним из наиболее развитых, он оказывал существенное влияние на языки других народов страны. Описание этого процесса находилось в центре внимания советских языковедов, и по этому вопросу существует громадное количество литературы. Проблема влияния других языков народов СССР на русский язык обсуждалась значительно меньше. Впервые в достаточно широком плане она была исследована уже в перестроечные годы. Под руководством Ю.Д. Дешериева был создан коллективный труд [ВВЯНС 1987], в котором было показано, что такое влияние существует, однако оно носит преимущественно локальный, периферийный характер, его результатом не всегда является заимствование в общеупотребительный русский язык.

Социолингвистическое изучение русского языка, как и любого другого языка, распространенного в обширном ареале и имеющего большое число носителей, весьма многоаспектно и разнообразно. По мнению Л.П. Крысина, эти аспекты составляют некоторую иерархическую последовательность: от неоднократно обсуждавшегося вопроса о социальной и функциональной дифференциации языка – к менее разработанному вопросу о социально обусловленном взаимовлиянии языковых подсистем, затем к социальным "ингредиентам" в навыке, который называется "владение языком", и, наконец, к совсем мало изученному вопросу о социальных условиях в семантике, прагматике и синтаксисе языкового знака [Крысин 1986].

Среди функциональных и социальных подсистем русского языка наибольшее внимание языковедов привлекали такие феномены, как просторечие, которое понимается не только как функциональная разновидность русского языка, но и как совокупность стилистических средств литературной речи, т.е. как определенная стилистическая категория, разговорная речь (речь носителей литературного языка, функционирующая в устной форме в условиях непринужденного общения), жаргоны, арг, а также взаимодействие между ними и функционирование каждого из них в системе современного национального русского языка [Баранникова 1974; 1977; Бондалетов 1974; Коготкова 1977; Скворцов 1977; Земская 1979; Борисова-Лукашанец 1983; Копыленко 1976].

Традиционно интерес лингвистов вызывает и проблема взаимоотношения между литературным языком и диалектом. В настоящее время в русском языке эти взаимоотношения характеризуются следующими основными моментами: 1) социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалекта становится более ограниченной; 2) литературный язык полифункционален, и по мере развития он увеличивает и усложняет систему своих коммуникативных функций, круг функций диалектов, напротив, сужается, ограничиваясь бытовыми сферами общения; 3) в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется вариативность языковых средств, в то время как диалектная норма подвергается расшатыванию (прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность средств и способов выражения.

Постоянное влияние на диалекты литературного языка приводит не только к замене диалектных средств литературными, но и к нарушению целостности самой системы говора как совокупности коммуникативных средств. Наряду с этим наблюдается и обратный процесс: влияние диалектов на литературный язык, которое проявляется не только в виде лексических заимствований из говоров, но и в "окрашивании"

⁷ Каждая из указанных тенденций детально характеризуется в многочисленной специальной литературе. Мы произведем здесь лишь наиболее известные работы [Дешериев 1976; Исаев 1970; 1979; РЯНР 1980; РЯСМО 1977; Ханазаров 1977]. Подробный перечень литературы по этому вопросу см. в обзоре [Крючкова 1982а].

речи носителей литературного языка диалектными чертами. Следует указать также на усиление социальных факторов в процессе сохранения нивелировки диалектных черт и в функционально-стилистической дифференциации говора [Коготкова 1970; Крысин 1989].

Русский литературный язык является достаточно строго нормированным, однако на разных уровнях его системы существуют варианты, употребление которых допускается литературной нормой. Исследование социальной и функциональной обусловленности использования языковых вариантов занимает большое место в работе русистов-социолингвистов [Горбачевич 1980; Гловинская 1976; Кузьмина 1976; Воронцова 1976; Китайгородская 1976; ЛНВ 1981; ФЯН 1986]. В тесной связи с указанной проблемой находятся вопросы культуры речи и речевого этикета, социолингвистический подход к которым является наиболее продуктивным [Акишина, Формановская 1975; Гольдин 1978; Скворцов 1980; Формановская 1982; Янко-Триницкая 1983].

Важным направлением в социолингвистическом изучении русского языка является анализ социальных (в широком понимании этого слова) составляющих во владении языком. Помимо собственно лингвистического компонента (т.е., грубо говоря, знания словаря и грамматики языка), представляющего собой основу владения языком, необходимо выделять национально-культурный, энциклопедический и ситуативный, которые в совокупности обеспечивают нормальное, принятое в данном социуме использование языка в разнообразных условиях и ситуациях человеческого общения. Основу сведений об условиях использования языковых средств составляют усвоенные носителем языка социальные роли, набор которых в большей или меньшей степени специфичен для данного общества [Верещагин, Костомаров 1973; Крысин 1989; Тарасов 1974].

Вопрос об отражении социального непосредственно в структуре языкового знака исследован в мировом языкознании значительно меньше, чем проблема влияния общества на функционирование языка. Тем более интересны разработки советских языковедов в этой области, осуществленные преимущественно на материале русского языка. Тривиальным случаем такого влияния являются маркированные формы языковых единиц: особенности ударения, произношения, словоизменительной парадигмы, синтаксического поведения слов в предложении, обусловленные использованием слова в социально специфической среде. Менее тривиальны случаи включения информации о социальных отношениях в семантику и прагматику языкового знака, без учета которых знак не может быть правильно употреблен. Так, например, в русском языке достаточно большие группы предикатных слов типа *приказывать*, *разрешить*, *повиноваться* и т.п., обозначающих межличностные отношения, содержат в пресуппозиционной части своих значений указание на асимметрию социальных ролей субъекта и адресата действия [Крысин 1989]. Очень наглядно социальные компоненты разного типа (как семантические, так и прагматические) наблюдаются у лексических единиц, относящихся к общественно-политическому словарю [Баскаков 1984; Крючкова 1989а].

Как известно, русский язык функционировал на территории Советского Союза не только как родной язык русского народа, но и как средство межнационального общения. Естественно, что в этом качестве он имел определенные особенности в различных регионах страны. Изучению этой проблемы также посвящены многочисленные работы социолингвистов [Ижакевич 1980; Копыленко, Саина 1982; Михальченко 1984].

Социолингвистический анализ взаимоотношения языка и отдельных феноменов общественной жизни. Особое внимание советские социолингвисты уделяли взаимоотношению языка и таких социальных явлений, как культура и идеология. Анализируя связь между языком и культурой, исследователи исходили из того, что все сферы культуры, их структуры и структурные элементы, выделяемые общественным сознанием, должны всеобъемлюще отражаться в языке. Однако нельзя утверждать, что вся мировая культура в равной степени отражается в любом языке. Для

выявления того, в какой мере различные явления материальной и духовной культуры отражаются в разных языках, в какой степени последние удовлетворяют социальные потребности их носителей, по мнению Ю.Д. Дешериева, оптимальным является метод моделирования [Дешериев 1980].

В области взаимоотношения языков и культур народов СССР советские социолингвисты выдвигали следующие основные положения: 1) В Советском Союзе все языки и культуры равноправны. 2) В создании общесоветской многонациональной социалистической культуры участвуют представители всех народов. 3) Основным языком, при помощи которого осуществляется непосредственное совместное участие всех народов СССР в развитии и обогащении советской многонациональной культуры, является русский язык как общий язык межнационального общения, как язык, который наиболее полно и разносторонне отражает развитие всех отраслей материальной и духовной культуры, достижения всей мировой культуры. Вместе с тем главным образом через посредство русского языка осуществляется взаимообогащение культур и языков народов СССР. 4) Что же касается национальной культуры, особенно духовной, то ее специфика наиболее полно отражается в родном языке носителей этой культуры [Дешериев 1976а; Ханазаров 1976; ВВЯ 1987].

Одна из сфер культуры, функционирование в которой оказывает особенно интенсивное влияние на язык, это массовая коммуникация.

В результате функционирования языка в сферах массовой коммуникации, по мнению исследователей, возникают следующие новые явления: 1) образование нового вида общения, особенности которого обусловлены прежде всего спецификой источника, средства, служащего материальной базой сферы (особенно это касается радиовещания, телевидения и кино); 2) появление новой сферы массовой коммуникации, нового вида общения сопровождается формированием новой социальной функции языка, применяемого в этой сфере; 3) соответственно новые явления возникают и в структуре языка; 4) любая сфера массовой коммуникации используется в познавательных целях, это приводит к развитию такой универсальной функции языка, как гносеологическая; 5) каждая сфера массовой коммуникации служит для развития эстетической культуры, соответственно обогащается и развивается эстетическая функция языка; 6) все сферы массовой коммуникации играют большую роль в идеологической борьбе, язык служит основным средством отражения (выражения) этой борьбы, все это вызывает развитие идеологической функции языка; 7) общим результатом возникновения и развития новой сферы жизни общества является обогащение и развитие общественного сознания, этот процесс сопровождается обогащением и развитием языка, поскольку язык и сознание представляют собой диалектическое единство [ЯРСО 1982: 60–61].

В Советском Союзе в различных сферах массовой коммуникации использовались многочисленные языки народов СССР, а также зарубежных стран, причем, например, радиовещание функционировало даже на некоторых бесписьменных языках. Наиболее часто в поле зрения исследователей попадал язык периодической печати. Его особенности проанализированы на материале многих языков народов СССР, правда, анализ этот носил преимущественно функционально-стилистический характер, и только в начале 1980-х годов язык периодической печати начал изучаться в социолингвистическом плане [Лысакова 1981; Баскаков 1982]. Язык таких видов массовой коммуникации, как радиовещание, телевидение и кино, мало изучен даже в собственном лингвистическом аспекте, тем более интересны попытки его социолингвистического анализа [ЯРСО 1983].

Большое внимание советские социолингвисты уделяли проблемам взаимоотношения языка и идеологии как одного из наиболее важных видов духовной деятельности людей [Домашнев 1983; СИБ и ПЯ 1984]. При анализе этой проблемы выделялись два аспекта: 1) влияние идеологии на функционирование языка и его функциональное развитие; 2) отражение идеологии на разных уровнях языковой структуры.

Влияние идеологии на функциональную сторону языка в общих чертах сводится к следующему: в государствах, основанных на демократических принципах, обеспечивающих равноправие всех проживающих в них граждан – независимо от их национальности и языка, последние имеют возможность функционировать и развиваться в пределах социальных потребностей их носителей; в тех же случаях, когда идеология, господствующая в государстве, эксплицитно или имплицитно обосновывает превосходство одних народов над другими, отдельные языки, чаще всего национальных меньшинств, не могут свободно и полноправно функционировать, что зачастую ведет к их вымиранию [Белоед 1974; СПРС 1975; ПЯП 1977; Никольский 1981; 1986; Лукашанец, Михневич 1988].

При анализе влияния идеологии непосредственно на структуру языка советские языковеды исходили из положения о том, что любая идеология находит свое языковое выражение, отражается прежде всего в лексико-семантической системе языка. Рассматривая отражение идеологии в лексико-семантической системе языка, необходимо разграничивать два рода явлений: 1) влияние идеологии на процессы, происходящие в лексико-семантической системе языка в целом (заимствования, интенсивность возникновения новых лексико-семантических единиц, изменение частоты употребления тех или иных слов и т.д.); 2) отражение идеологии непосредственно в структуре отдельных лексических единиц, т.е. случаи, когда эти единицы под влиянием идеологии приобретают какие-либо специфические свойства (идеологизация, деидеологизация, вторичная идеологизация лексических единиц, идеологически обусловленная многозначность, синонимия и т.п.) [Крючкова 1982б]. Большое внимание советские языковеды уделяли также влиянию на язык и некоторых других феноменов общественной жизни: научно-технической революции [НТР и ФЯМ 1977], образования.

В определенном смысле новый этап в развитии социалингвистики в Советском Союзе начинается после 1985 г. Как известно, именно в этом году лидером страны становится М. Горбачев, который провозгласил в стране политику демократизации и гласности. Это открыло возможность для критики еще недавно казавшихся незыблемыми положений догматизированного марксизма-ленинизма, являвшегося в течение десятилетий официальной идеологией страны и определявшего не только внешнюю и внутреннюю политику, но и магистральные направления развития общественных наук. Этот период характеризуется также ростом национального самосознания народов Советского Союза и интересом широких слоев общественности к проблемам национальной культуры и национального языка, который является неотъемлемой частью полнокровного национального бытования любого этноса. Эти моменты имели для социалингвистики весьма серьезные последствия. С одной стороны, профессиональные социалингвисты получили возможность открыто говорить о имеющихся негативных тенденциях национально-языковой жизни, по-новому осмыслить происходящие в этой сфере процессы. С другой, – в социалингвистику хлынул поток непрофессионалов, которые начали обсуждать национально-языковые отношения либо потому, что это стало модным и престижным, либо пытались сделать на этом политическую карьеру. Любимыми их сюжетами были: 1) угроза исчезновения родного языка, причем при этом речь шла о функционально развитых языках союзных республик – эстонском, латышском и др., судьбы которых в отличие, например, от судьбы языков малочисленных народов, проживающих на территориях союзных республик, складывались относительно благополучно: они широко использовались в сфере образования, массовой коммуникации, культуры и т.д.; 2) вред двуязычия для интеллектуального развития личности и бытования родного языка, при этом имелось в виду отнюдь не любое двуязычие, а только национально-русское.

Что же касается развития профессиональной социалингвистики, то здесь продолжают выходить работы, посвященные как общетеоретическим вопросам этой области знания, так и другим конкретным проблемам, на которых мы подробно останавливались выше. Кроме уже упоминавшихся работ следует назвать [ВСФ 1988;

Крючкова, Нарумов 1991; Туманян 1985]. Но основное внимание исследователей направлено на анализ национально-языковых отношений в стране. В рассматриваемый период происходит пересмотр некоторых теоретических положений относительно необходимого уровня функционального развития различных национальных языков. Если раньше в работах социолингвистов, как правило, просто констатировалось количество коммуникативных сфер, в которых использовался тот или иной язык, а функциональная классификация языков проводилась достаточно автоматически, ориентируясь главным образом на то, является ли данный язык языком титульной нации союзной, автономной республики, автономной области или округа, то теперь начинает все отчетливее звучать мысль о том, что уровень функционального развития языка должен соотноситься не столько с его официальным статусом, сколько с уровнем национально-языкового самосознания его носителей [Михальченко 1989; Солнцев, Михальченко 1990]. Исследователи обращают внимание и на то обстоятельство, что зачастую вопрос о функционировании языка в определенной сфере общения решался чисто формально на основе одних лишь статистических данных, хотя ни для кого давно уже не было секретом, что нередко книги на национальных языках лежали нераспроданными, театры пустовали, а газеты и журналы распространялись "в нагрузку" к дефицитным изданиям [Крючкова 1989б].

Безусловно, в течение многих лет языковая политика в Советском Союзе была во многом направлена на распространение русского языка. Однако было бы неверно оценивать это лишь как прояснение политики русификации и считать, что стоит изменить политические установки и тут же языки других народов страны начнут функционировать во всех сферах, а русский язык станет не нужен. Дело в том, что наличие общего языка – это объективная потребность любого многонационального государства. Исторически сложилось так, что на территории Российской империи, а позднее и в Советском Союзе эту функцию выполнял русский язык. И это реальность, с которой нельзя не считаться при проведении языковой политики в стране. Другой вопрос, что национальные языки во многих регионах использовались совершенно недостаточно. Например, в Белоруссии белорусский язык – развитый литературный язык – оказался особенно в городской местности практически на грани исчезновения. И в этой связи языковая политика в новых условиях, по мнению специалистов, должна была быть направлена главным образом на поиск путей сбалансированного функционирования родного и русского языков [Михальченко 1989; Солнцев, Михальченко 1990].

В конце 1980-х годов в союзных республиках страны велась интенсивная законодательная работа, ставящая своей целью правовое регулирование функционирования различных языков, представленных в республиках. Языкам титульных наций был придан статус государственных, тем самым они были поставлены под особую защиту государства. Анализ этих законов, проведенный социолингвистами, показал, что в основу их, как правило, положены следующие идеи: 1) равноправие языков всех наций и народностей; 2) учет культурных и языковых интересов всех этнических групп населения; 3) учет языковых прав личности; 4) приоритетное развитие социальных функций языка коренного населения. По мнению аналитиков, эти принципы в ряде случаев нельзя провести последовательно. Например, языковые права личности, в соответствии с которыми частное лицо имеет право обращаться в разные учреждения на любом языке, ограничивается реальными человеческими возможностями в изучении языков должностными лицами. Приоритетное положение языков, объявленных государственными, помогает юридически поддерживать их функциональное развитие, но, с другой стороны, может вступить в противоречие с принципом равноправия народов и их языков, поэтому придание статуса государственного языкам союзных республик должно проводиться с величайшей осторожностью и учетом реальных интересов всех народов, проживающих в республиках, не ущемляя их права и языковые интересы [Михальченко 1990]. К сожалению, политики не прислушались к мнению ученых, и первые же попытки реализации законов о язы-

ках в некоторых республиках, например, в Молдавии привели к национальным столкновениям.

Интенсивное обсуждение в научной литературе и публицистике законов о языках союзных республик и общесоюзного закона "О языках народов СССР" продолжался вплоть до 1991 г., когда Советский Союз распался на 15 суверенных независимых государств. Цели и задачи проведенной в стране языковой реформы были обстоятельно проанализированы в монографии М.Н. Губогло "Переломные годы. Т. I. Мобилизованный лингвизм" (М., 1993).

В истекшее с момента распада Союза десятилетие интересы российских социолингвистов были сосредоточены прежде всего на языковых проблемах Российской Федерации, которая, так же как и бывший Советский Союз, является многонациональной страной, жители которой говорят примерно на 180 языках. Появилось большое количество работ, посвященных описанию конкретных языковых ситуаций в различных регионах России [ЯСРФ 1992; ПЯЖ 1994; ЯКОР 1994; ЯПРФ 1994; СПРРМ 1996; Поляков 1993]. Языковая ситуация в этот период менялась очень быстро, наиболее свежий ее срез отражен в статьях сборника [ЯРФНЗ 2000]. Показательным является тот факт, что к моменту создания этой книги был собран большой фактологический материал по разным республикам РФ, что позволило осуществить типологическое сопоставление языковых ситуаций в некоторых ареалах, см., например, [Баскаков, Насырова 2000].

90-е годы XX в. без преувеличения можно назвать вторым этапом языкового строительства в России. Возросшее национальное самосознание народов страны поставило на повестку дня вопрос о создании, а в некоторых случаях возрождении письменности бесписьменных к этому моменту народов. Естественно, для решения этой проблемы требовались, с одной стороны, тщательный анализ конкретных языковых ситуаций в ареалах распространения бесписьменных народов, чаще всего малочисленных, с другой, – теоретическое осмысление вопросов, возникающих в ходе языкового строительства: 1) выбор опорного диалекта; 2) выбор графической основы; 3) принципы планирования объема социальных функций для соответствующего новописьменного языка. Не случайно в последнее десятилетие появилось большое количество работ, посвященных этой проблематике. Кроме статей в перечисленных в предыдущем абзаце сборниках назовем еще несколько наиболее значительных работ [МНС 1997; МЯЕ 1997; Вахтин 2000; МНСЯ 1993].

Исследование языковой ситуации в таком крупном образовании, каким является Российская Федерация, возможно как бы с двух сторон. Можно описать языковую ситуацию в каждом административно-территориальном образовании, регионе и т.д. и из этих описаний как мозаику собрать картину языковой жизни страны. Рассмотренные выше работы как раз и представляют такие описания. Но картину можно строить и по-другому: исходя из функциональной роли каждого бытующего на территории страны языка. Именно на такой подход были ориентированы два крупномасштабных проекта, осуществленные в последние годы российскими социолингвистами. Первый из них был создан в рамках международной программы "Письменные языки мира: социолингвистический портрет", координатором которой является Центр по языковой политике (Квебек, Канада). Целью российской части проекта является исследование социолингвистических параметров всех языков, представленных на территории РФ. В 2000 г. вышел в свет первый том труда "Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия" (руководители – В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко), в котором представлены 30 языков народов России с устойчивой письменной традицией. Все языки описаны по единой схеме в соответствии с анкетой, разработанной в рамках вышеуказанного международного проекта и уже апробированной в процессе реализации проекта в других регионах мира (Индия, Китай и др.). Вопросник анкеты охватывает все возможные параметры использования языка в конкретной сфере (например, при характеристике использования языка как средства обучения в системе начального образования необходимо

указать количество школ такого типа, количество учеников, количество часов в неделю занятий на родном языке, наличие учебников). Описание языков по единой схеме обеспечивает сводимость материала и дает возможность создавать градационные схемы, дающие представление об использовании всех описанных языков в различных коммуникативных сферах (что и делается в вводной части тома). Данный труд выводит российскую социалингвистику на новую ступень развития: от чисто описательных штудий она переходит к точному количественному измерению языковых ситуаций.

Другим важным проектом является российско-японский труд «База данных "Языки малочисленных народов Российской Федерации"» (рук. В.Ю. Михальченко, О.А. Казакевич), заверченный в 2000 г. Все языки, входящие в эту базу, также описаны по единой схеме, содержащей информацию о демографической структуре носителей, географическом распространении, общие сведения о структуре языка, истории письменности (если таковая имеется), данные о дву- и многоязычии носителей, статусе языка, его функционировании в различных сферах общения. Вся эта информация явится составной частью Всемирной базы данных по языкам исчезающих народов, которую по поручению Совета Европы и ЮНЕСКО создают сотрудники Токийского университета.

Большое внимание российские социалингвисты уделяют исследованию общих тенденций современной языковой жизни РФ. Основными среди них являются следующие:

- возрождение интереса к национальным языкам и национальным культурам;
- стремление расширить социальные функции национальных языков в разных сферах общения;
- возрождение прежних культурно-языковых традиций, в частности, обусловленных религиозной ориентацией;
- явления механического переноса опыта социально-языковой адаптации иммигрантов западных стран на условия совместного проживания коренных жителей разных национальностей;
- признание, вопреки мировой практике, верховенства языковых прав народа, нации над языковыми правами личности;
- преувеличение роли национальных языков в обществе, стремление приписать не свойственные им функции, например, функцию языка межнационального общения в республике;
- стремление законодательно регулировать сферы спонтанного общения, например, межличностное национальное общение, семейное общение;
- дальнейшее распространение национально-русского и русско-национального двуязычия с преимущественной ориентацией на второй тип [Солнцев, Михальченко 1992].

К настоящему времени Законы о языках приняты в большинстве республик Российской Федерации, принят и общероссийский закон. Республиканские законы имеют между собой много общего. А.Н. Баскаков пишет по этому поводу: «Языковое законодательство республик РФ несмотря на существенные различия в их экономических и культурных потенциалах, в фактических статусах языков титульных национальностей, в этнодемографических и социальных структурах населения стереотипно и во многом копирует законы о языках в бывших союзных республиках СССР. Между тем ни политический статус республик РФ, ни фактический статус языков титульных национальностей в них не соответствует в полной мере понятиям "государство" и "государственный язык", так как в соответствии с Конституцией РФ значительная часть государственных функций в этих республиках в сферах управления, экономики, внешних сношений, обороны, науки, образования, различных сфер коммуникации и пр. находится в ведении федеративного центра и реализуется исключительно посредством русского языка. Сами же национальные государственные языки весьма ограничены в своем применении в указанных сферах ввиду недостаточного структурного развития и слабой базы литературных форм» [Баскаков 1994а: 32–33].

По мнению В.М. Солнцева и В.Ю. Михальченко, в связи с реализацией законов о языках в РФ возникает ряд проблем, связанных с их национально-лингвистической адекватностью: 1) концепции законов языковой ситуации в той или иной республике; 2) планируемых социальных функций уровню структурного развития языка; 3) соотношения планируемых социальных функций языка и языковой компетентности титульной нации; 4) соотношения языковых прав личности и языковых прав нации; 5) соотношение планируемых функций и языковой компетенции других языковых общностей [Солнцев, Михальченко 2000а: XX]. Кроме изучения языковой жизни РФ в поле зрения российских ученых оказываются также особенности языковых ситуаций в странах СНГ и нового зарубежья [Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995; Насырова 1997; Михальченко 1994а; ЭЯС 1995 и др.]. Особенности развития языковой жизни, языковой политики и языкового строительства в СССР и на постсоветском пространстве были обобщены в монографии В.М. Алпатова [Алпатов 2000].

Несмотря на концентрацию усилий на внутриязыковых проблемах страны и бывших республик СССР, не остались без внимания и языковые ситуации в дальнем зарубежье [ЯДЛ 1993; СЭСА 1992; Дьячков 1995; 1996].

Сложность национально-языковой ситуации РФ таит в себе опасность языковых конфликтов. Естественно, что эта тема весьма часто затрагивалась российскими исследователями, как в связи с языковой ситуацией внутри страны, так и за ее пределами [Баскаков 1994б; Михальченко 1994б; Крючкова 1994; Туманян 1994].

Под языковым конфликтом обычно понимается столкновение между сообщениями людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком. Языковые конфликты подразделяются на внутриэтнические и межэтнические, наиболее острыми и опасными бывают последние. Межэтнические языковые конфликты редко существуют сами по себе. Обычно они возникают и развиваются в контексте общей межнациональной напряженности. Но иногда, как это случилось, например, в Молдове или Эстонии, языковой конфликт может явиться одним из основных стимулов общего межнационального конфликта.

Межэтнические языковые конфликты могут быть двух основных видов. Первые возникают как результат целенаправленных действий политиков, представляющих интересы главенствующей в данном административно-территориальном образовании этнической группы, которые стремятся путем установления языковых барьеров создать для этой группы наиболее благоприятные экономические и политические условия. Естественно, такая политика вызывает противодействие этносов, отринутых от материальных и иных благ в результате дискриминации по языковому признаку.

Языковые конфликты второго рода возникают в результате неумения политиков считаться как с объективными, так и с субъективными параметрами языковой ситуации, что зачастую приводит к неадекватному законодательному регулированию языковой жизни, о чем мы говорили выше, и также провоцирует недовольство отдельных этнических групп.

Вторым важнейшим направлением деятельности российских социолингвистов явилось исследование особенностей русского языка на новом этапе общественно-политической жизни страны. Проводилось оно в двух основных аспектах: во-первых, анализировались особенности функционирования русского языка в новых условиях, его роль в жизни России, СНГ, странах ближнего и дальнего зарубежья; во-вторых, изучалось влияние изменившейся ситуации на разные уровни системы русского языка, а также его коммуникативно-прагматические характеристики.

По мнению В.М. Солнцева и В.Ю. Михальченко, языковое пространство современного русского языка определяется его функционированием в качестве: а) национального языка русского народа; б) родного языка части нерусских народов; в) общего средства межнационального общения в пределах многонационального государства; г) языка международного общения в бывших социалистических странах и странах СНГ; д) языка международного общения в других зарубежных странах [Солнцев, Михальченко 2000б: 5–6]. В последние полтора десятилетия, несмотря на все про-

изошедшие в стране перемены, функционирование русского языка на территории РФ достаточно стабильно [Белоусов, Григорян 1996]. Хотя в странах СНГ официальная политика в отношении русского языка претерпела существенные изменения в сторону укрепления приоритета во всех сферах жизни языков титульных наций, фактически русский язык функционирует очень широко [Солнцев, Михальченко 2000б, Михальченко 1994а]. В последние годы в некоторых странах, как Западной, так и Восточной Европы, включая страны Балтии, отношение к русскому языку начинается меняться к лучшему. Основную роль в этом процессе, по-видимому, играют экономические факторы: торговля с Россией и другими странами СНГ, где основным языком-посредником является русский, туристический бизнес и др. В определенной степени интерес к русскому языку, по-видимому, поддерживается и достижениями российской науки. Нельзя забывать и о довольно мощном потоке русскоязычной эмиграции из стран СНГ [Kryuchkova 2001].

Что касается второго из вышеназванных аспектов, то здесь следует в первую очередь упомянуть коллективную монографию, созданную под руководством Е.А. Земской [РЯ 1996]. Ее авторы поставили перед собой задачу проанализировать перемены в условиях личной и публичной коммуникации, в наборе и употреблении единиц разных уровней, составляющие специфические особенности функционирования русского языка в период с 1985 по 1995 гг. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются активные процессы в сфере лексической семантики и словообразования: интенсивное пополнение русского языка иноязычными заимствованиями (прежде всего англо-американского происхождения), изменения, произошедшие в общественно-политической терминологии (обновление состава этой подсистемы, изменение плана содержания некоторых единиц, употреблявшихся ранее и т.д.), прослеживаются также новые явления в области морфологии и синтаксиса. Вторая часть имеет коммуникативно-прагматическую направленность: исследуются особенности современной городской коммуникации, эвфемизации в разных сферах языках, особенности языка средств массовой коммуникации, оказывающем огромное влияние на современный русский язык. Последняя проблема также детально анализируется [Костомаров 1994].

Анализу современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте посвящена также коллективная монография [РЯФ 1993].

Большое внимание в этот период уделялось разработке так называемых "речевых портретов" представителей разных социальных групп [Китайгородская, Розанова 1995; Крысин 1994; Черняк 1994]. Продолжалось изучение и такой традиционной социолингвистической темы, как социальная дифференциация современного русского языка [Ермакова 1994; Земская 1995; Крысин 1997].

В последнее десятилетие вышел также ряд работ, посвященных теоретическим проблемам социальной лингвистики. Наиболее значительной среди них является книга [МСИ 1995], поскольку методы, наряду с теорией и понятийным аппаратом лежат в основании любой самостоятельной научной дисциплины. В предисловии книги подчеркивается, что на повестке дня стоит задача разработки таких методов, которые помогут преодолеть фрагментарность социолингвистических исследований, повысить их уровень от описательного до типологического, что позволит выявить не только частные закономерности развития языков, но и социолингвистические универсалии.

Особое внимание в работе уделено возможностям применения в социолингвистических исследованиях новых компьютерных технологий (Аношкина Ж.Г., Казакевич О.А.), точным методам измерения билингвизма и языковой вариативности (Буренина Л.М., Парфенова О.С.), использованию структуралистских методов (Кожемякина В.А.).

В настоящее время коллектив авторов под руководством В.Ю. Михальченко создает словарь социолингвистических терминов. Принципы создания такого словаря рассмотрены в статьях В.Ю. Михальченко и Ю.В. Трушковой.

Исследованию истории языка в связи с историей его носителей посвящена работа [ДС 1993]. В книге прослеживается история становления некоторых литературных языков (литовского, болгарского, словацкого), анализируется динамика развития языковых ситуаций в отдельных регионах, рассматриваются под углом зрения диахронической социолингвистики некоторые лексико-семантические процессы.

Особенности языкового выражения социального статуса анализируются в работе [Карасик 1992].

Как мы уже неоднократно отмечали, изучение языковых ситуаций является одной из приоритетных задач социолингвистики. Появилась монография [Аюпова 2000], в которой предпринята попытка обобщить многочисленные исследования, связанные с данной проблематикой, определить иерархию признаков, совокупность которых дает наиболее полное представление об этом феномене. Автор раскрывает содержание концептуального поля "языковая ситуация" через статус языков, языковую политику, языковые конфликты, языковую компетенцию и ценностные ориентации, а также функциональную дистрибуцию языков в сфере народного образования, массовой коммуникации, культуры.

В работе рассматриваются теоретические проблемы билингвологии и описываются конкретные типы билингвизма, представленные в Башкортостане.

Следует отметить, что дву- и многоязычие также являются вечными темами в социолингвистике. Из последних работ, связанных с этой проблематикой, можно назвать [Васильева 1999; ПДМС 1995; ПДМСУ 1993; Хегай 1994; РОУАН 2000].

В условиях дву- и многоязычия иногда достаточно нетривиальным оказывается вопрос о родном языке и в более общем плане об этническом самосознании. Не случайно эта проблема широко обсуждается в настоящее время [ЭЯС 1995; ЭК 1994; ПИЭИ 1994]. Следует отметить, что проблема языковой и этнической самоидентификации имеет не только теоретическое, но и большое прикладное значение, например, при подготовке опросных листов для проведения переписей населения.

Подводя итоги развития советской, а позже российской социолингвистики за последние 40 лет, можно сказать, что в последние годы в ней, видимо, наступил некоторый качественный сдвиг. Накоплен такой обширный фактический материал, что можно приступить к его обобщению и классификации. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует факт появления большого количества публикаций справочно-энциклопедического характера [ПЯМ 2000; ГЯРФ 1995; Панькин 1994; Исаев 2001].

После длительного перерыва [первый учебник по социолингвистике появился в России в 1978 г. (Швейцер, Никольский), затем в 1987 г. вышел учебник Бондалетова В.Д.] вышло в свет сразу несколько учебников и учебных пособий [Баламедов 1992; Мечковская 1996; Дьячков 1992; 1993; Беликов, Крысин 2001].

Введение социолингвистики в учебные планы университетов, как нам представляется, – явный знак того, что процесс становления социолингвистики как самостоятельной дисциплины и отмежевания ее от смежных областей знания закончился.

В заключение отметим, что в этом кратком обзоре мы, безусловно, не претендовали на исчерпывающее описание всех направлений социолингвистических исследований, более того за его рамками остались некоторые весьма значительные работы просто потому, что они не вписались в структуру обзора. Тем не менее мы надеемся, что он окажется полезным для тех, кто еще только начинает интересоваться этой сравнительно новой отраслью науки о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин В.А. 1967 – Социолингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири – Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. Новосибирск, 1967.
- Аврорин В.А. 1974 – О предмете социальной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний). М., 1974.

- Аврорин В.А. 1975 – Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Акишина А.А., Формановская Н.И. 1975 – Русский речевой этикет. М., 1975.
- Алексеев Д.И. 1965 – Условный язык дорогобужских ремесленников // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.
- Алпатов В.М. 1991 – История одного мифа. М., 1991.
- Алпатов В.М. 2000 – 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.
- Аюпова Л.Л. 2000 – Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.
- Баламедов А.-К.С. 1992 – Основы социальной лингвистики. Махачкала, 1991.
- Баранникова Л.И. 1974 – Просторечие как особый компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974.
- Баранникова Л.И. 1977 – Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. Саратов, 1977.
- Баскаков А.Н. 1976 – О комплексных методах и приемах билингвистического исследования // Методы билингвистических исследований. М., 1976.
- Баскаков А.Н. 1982 – Функциональное и внутривидовое развитие узбекского, казахского, азербайджанского, киргизского и туркменского языков в периодической печати // Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1982.
- Баскаков А.Н. 1984 – Идеологическая дифференциация лексики в тюркских языках, функционирующих в разных социальных условиях // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984.
- Баскаков А.Н. 1994а – Социолингвистические аспекты языкового законодательства Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Баскаков А.Н. 1994б – Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. 1995 – Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М., 1995.
- Баскаков А.Н., Насырова О.Д. 2000 – Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. 2001 – Социолингвистика. М., 2001.
- Белодед И.К. 1969 – Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969.
- Белодед И.К. 1974 – Язык и идеологическая борьба. Киев, 1974.
- Белоусов В.Н., Григорян Э.А. 1996 – Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ. (По данным социолингвистических опросов 1990–1995 гг.) М., 1996.
- Бондалетов В.Д. 1965 – Условный язык пензенских портных // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.
- Бондалетов В.Д. 1974 – Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974.
- Бондаренко Г.В., Крючкова Т.Б. 1981 – Социолингвистика и исследование текста // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Борисова-Лукашанец Е.Г. 1983 – О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
- Будагов Р.А. 1940 – Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л., 1940.
- Васильева 1999 – Разноязычие ("смешанная речь"): диалектика явления и сущности. Казань, 1999.
- Вахтин Н.Б. 2001 – Языки народов Севера в XX в. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- ВВЯНС 1987 – Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987.
- Верещанин Е.М., Костомаров В.Г. 1973 – Язык и культура. М., 1973.
- Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомаковский В.Я. 1984 – Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984.
- Виноградов В.А. 1990 – Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- ВСФ 1988 – Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
- Воронцова В.Л. 1976 – Варианты флексий -ов и -ф в родительном падеже множественного числа существительных мужского рода // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

- Гловинская М.Я. 1976 – Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Гольдин В.Е. 1978 – Этикет и речь. Саратов, 1978.
- Горбачевич К.С. 1980 – Вариантность слова и языковая норма. Л., 1980.
- ГП 1984 – Городское просторечие. М., 1984.
- Губогло М.Н. 1993 – Переломные годы. Т. I. Мобилизованный лингвизм. М., 1993.
- ГЯРФ 1995 – Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1995.
- Державин К.Н. 1927 – Борьба классов и партий в языке Великой французской революции // Язык и литература. Т. II, вып. I. Л., 1927.
- Дешириев Ю.Д. 1966 – Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
- Дешириев Ю.Д. 1976 – Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
- Дешириев Ю.Д. 1976а – К вопросу о диалектике развития языков и культур в условиях многонационального советского общества // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
- Дешириев Ю.Д. 1977 – Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977.
- Дешириев Ю.Д. 1980 – О моделировании отражения культуры в языке // Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М., 1980.
- Дешириев Ю.Д. 1981 – Проблема взаимоотношения между функциональнотипологической и другими классификациями языков // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Дешириев Ю.Д., Протченко И.Ф. 1968 – Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
- Домашнев А.И. 1983 – Язык и идеология в их взаимоотношении // Онтология языка как общественного явления. М., 1983.
- ДС 1993 – Диахроническая социолингвистика. М., 1993.
- Дьячков М.В. 1992 – Проблемы двуязычия (многоязычия) и образование. М., 1992.
- Дьячков М.В. 1995 – Миноритарные языки в образовании. М., 1995.
- Дьячков М.В. 1996 – Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.
- Ермакова О.П. 1994 – Современный молодежный жаргон и его место среди других некодифицированных систем языка // Sprachlicher Standart und Substandart in Südosteuropa und Osteuropa. Berlin, 1994.
- Жирмунский В.М. 1936 – Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Жирмунский В.М. 1969 – Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Журавлев В.К. 1982 – Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
- ЗВ 1986 – Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- Звегинцев В.А. 1976 – О предмете и методах социолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. № 4. 1976.
- Земская Е.А. 1979 – Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Земская Е.А. 1995 – Просторечие и жаргон в языке русского города // Wielkie miasto: czynniki integrujące i desintegrujące, II. Łódź, 1995.
- Земская Е.А., Крысин Л.П. 1998 – Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
- ЗРЛЯ 1969–1976 – Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Т. 1–14. М., 1969–1976.
- Иванов А., Якубинский Л. 1937 – Очерки по языкознанию. Л., 1937.
- Ижакевич Г.П. 1980 – Проблемы функционирования русского языка в близкородственном окружении // Русское языкознание. Вып. 1. Киев, 1980.
- Исаев М.И. 1970 – Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М., 1970.
- Исаев М.И. 1979 – Языковое строительство в СССР. М., 1979.
- Исаев М.И. 2001 – Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М., 2001.
- Карасик В.И. 1992 – Язык социального статуса. М., 1992.

- Каринский Н.М.* 1927 – Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры // Ученые записки Института языка и литературы, III. М., 1927.
- Каринский Н.М.* 1936 – Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Вавилово. М., 1936.
- Китайгородская М.В.* 1976 – Вариативность в выражении рода существительного при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* 1995 – Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Коготкова Т.С.* 1970 – Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Коготкова Т.С.* 1977 – Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературный язык и просторечие. М., 1977.
- Кондришкина Е.А.* 1986 – Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- Копыленко М.М.* 1976 – О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Копыленко М.М., Саина С.Т.* 1982 – Функционирование русского языка в различных слоях Казахского населения. Алма-Ата, 1982.
- Костомаров В.Г.* 1994 – Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Крысин Л.П.* 1986 – Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка // Вестник Академии наук СССР. № 8. М., 1986.
- Крысин Л.П.* 1989 – Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин Л.П.* 1994 – Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.
- Крысин Л.П.* 1997 – О социальной дифференциации современного русского языка // Русистика сегодня. № 3/4. 1997.
- Крючкова Т.Б.* 1981 – К вопросу о методах социоллингвистических исследований // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Крючкова Т.Б.* 1982а – Основные достижения СССР в осуществлении ленинской национально-языковой политики // Актуальные проблемы функционирования языков в социалистическом обществе. М., 1982.
- Крючкова Т.Б.* 1982б – К вопросу о многозначности "идеологически связанной" лексики // ВЯ. 1982. № 1.
- Крючкова Т.Б.* 1989а – Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.
- Крючкова Т.Б.* 1989б – Национальное и интернациональное в функционировании и развитии языков // Коммунист Украины. № 9. Киев, 1989.
- Крючкова Т.Б.* 1994 – Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П.* 1991 – Зарубежная социоллингвистика. Германия. Испания. М., 1991.
- Кузьмина С.М.* 1976 – Вариативность произношения групп согласных // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Лантева О.А.* 1966 – О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2.
- Ларин Б.А.* 1928 – О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. III. Л., 1928.
- Ларин Б.А.* 1977 – История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- ЛНВ* 1981 – Литературная норма и вариантность. М., 1981.
- Лукашанец А.А., Михневич В.К.* 1988 – Общество – язык – политика. Минск, 1988.
- Лысаков И.П.* 1981 – Язык газеты: социоллингвистический аспект. Л., 1981.
- Март Н.Я.* 1934 – Избранные работы. Т. II. М.; Л., 1934. М.
- Мечковская Н.Б.* 1996 – Социальная лингвистика. М., 1996.
- Михальченко В.Ю.* 1976 – О некоторых приемах изучения билингвизма в полевых условиях // Методы билингвистических исследований. М., 1976.
- Михальченко В.Ю.* 1984 – Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.

- Михальченко В.Ю. 1989 – Социальные и лингвистические параметры двуязычия // Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. М., 1989.
- Михальченко В.Ю. 1990 – Языки народов СССР на современном этапе и правовое регулирование их функционирования // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.
- Михальченко В.Ю. 1994а – Концепции законов о языках в республиках Российской Федерации: проблема социально-лингвистической адекватности // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Михальченко В.Ю. 1994б – Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- Михальченко В.Ю. 1994в – Языковые проблемы Содружества независимых государств // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- МНС 1997 – Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.
- МНСЯ 1993 – Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы. Якутск, 1993.
- МСИ 1995 – Методы социолингвистических исследований. М., 1995.
- МЯЕ 1997 – Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.
- Насырова О.Д. 1997 – Языковая ситуация в республике Каракалпакстан. М., 1997.
- Никольский Л.Б. 1976 – Синхронная социолингвистика. М., 1976.
- Никольский Л.Б. 1981а – О предмете и основных проблемах социолингвистики // Развитие на болгарский язык от IX до XX в. София, 1981.
- Никольский Л.Б. 1981б – Язык и идейно-политическая борьба // Народы Азии и Африки. 1981. № 2.
- Никольский Л.Б. 1986 – Язык в политике и идеологии стран Зарубежного Востока. М., 1986.
- НСДЯ 1969 – Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
- НТР и ФЯМ 1977 – Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.
- Панов М.В. 1962 – О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // ВЯ. 1962. № 3.
- Панькин В.П. 1994 – Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1994.
- ПДМС 1995 – Проблемы двуязычия в многонациональной среде. СПб., 1995.
- ПДМСУ 1993 – Проблемы двуязычия и многоязычия в современных условиях. Йошкар-Ола, 1993.
- ПИЭИ 1994 – Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994.
- ПИЯС 1970 – Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
- Поливанов Е.Д. 1927 – О литературном (стандартном) языке // Родной язык в школе. 1927. № 1.
- Поливанов Е.Д. 1928 – Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. Кн. 4. 1928.
- Поливанов Е.Д. 1929 – Круг очередных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. 1929. № 1.
- Поляков О.Е. 1993 – Мордовия многонациональная: взаимоотношение языков. Саранск, 1993.
- ПЯЖ 1994 – Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994.
- ПЯМ 2000 – Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000.
- ПЯП 1977 – Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки. М., 1977.
- РНЯС – Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М.
- РОУЯН 2000 – Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- РРЯ 1967 – Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967.
- РСРЯ 1963 – Развитие современного русского языка. М., 1963.
- РЯ 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- РЯНР 1980 – Русский язык в национальных республиках Советского Союза. М., 1980.
- РЯСМО 1977 – Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
- РЯСО 1968 – Русский язык и советское общество. Т. 1–4. М., 1968.

- РЯФ 1993 – Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Селищев А.М. 1928 – Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
- Сергиевский М.В. 1927 – Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI–XVII вв. // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т. I. 1927.
- Сиротинина О.В. 1969 – Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- СИБ и ПЯ 1984 – Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984.
- Скворцов Л.И. 1977 – Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературный язык и просторечие. М., 1977.
- Скворцов Л.И. 1980 – Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 1990 – Языковая ситуация в СССР // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 1992 – Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1991.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 2000а – Введение // Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 2000б – Русский язык: проблема языкового пространства // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
- СПРРМ 1996 – Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.
- СПРС 1975 – Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
- Степанов Г.В. 1976 – Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- СЭСА 1992 – Социо- и этнокультурные процессы в современной Африке. М., 1992.
- Тарасов Е.Ф. 1974 – Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы речевой деятельности. М., 1974.
- ТПСЛ 1981 – Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Туманян Э.Г. 1985 – Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
- Туманян Э.Г. 1994 – Языковые законы и межнациональные конфликты // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Филин Ф.П. 1966 – К проблеме социальной обусловленности языка // ВЯ. 1966. № 4.
- Формановская Н.И. 1982 – Употребление русского речевого этикета. М., 1982.
- ФЯН 1986 – Функционирование языка и норма. Горький, 1986.
- Ханазиров К.Х. 1976 – К проблеме взаимосвязи и взаимодействия языков и культур народов СССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
- Ханазиров К.Х. 1977 – Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977.
- Хегай М.А. 1994 – О речевом поведении билингвов // Родной язык. 1994. № 1.
- Холодович А.А. 1930 – Марксистская лингвистика и ее "левые" критики // "Звезда". 1930. № 12.
- Чернышев В.А. 1978 – Динамика языковой ситуации в Северной Индии (хиндиязычный ареал после 1947 г.). М., 1978.
- Черняк В.Д. 1994 – Наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2.
- Шагаль В.Э. 1987 – Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. М., 1987.
- Швейцер А.Д. 1971 – Вопрос социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.
- Швейцер А.Д. 1976 – К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Швейцер А.Д. 1977 – Современная социолингвистика. М., 1977.
- Щерба Л.В. 1931 – О троицком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // ИАН ООН. М., 1931.
- ЭК 1994 – Этнокогнитология. Вып. I. М., 1994.
- ЭЯС 1995 – Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
- ЯДЛ 1993 – Языки и диалекты Люксембурга. СПб., 1993.

- ЯКОР 1994 – Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- Якубинский Л.П. 1986 – Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Янко-Триницкая Н.А. 1983 – Ты и Вы // Русский язык в школе. 1983. № 1.
- ЯНС 1966–1968 – Языки народов СССР. Т. 1–5. М., 1966–1968.
- ЯПРФ 1994 – Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- ЯРСО 1982 – Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1982.
- ЯРСО 1983 – Язык в развитом социалистическом обществе. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983.
- ЯРФНЗ 2000 – Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
- ЯСРФ 1992 – Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
- ЯССА 1975 – Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.
- ЯССАА 1967 – Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.
- Bright W. 1966 – Sociolinguistics. New York, 1966.
- Dešeriev J. 1973 – Social linguistics // Linguistics. 1973. № 113.
- Ferguson Ch.A. 1959 – Diglossia // Word. 1959. № 15.
- Kryuchkova T.B. 2001 – Russian as intermediary language in Europe // Sociolinguistica. № 15. Tübingen, 2001.
- Marcellesi J.-B., Gardin B. 1974 – Introduction à la sociolinguistique. Paris, 1974.